

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.19>

UDC 340:364-787.82

LBC 67.06

Submitted: 27.10.2025

Accepted: 08.12.2025

USING A 3D CONVERSATIONAL ASSISTANT BASED ON ARTIFICIAL INTELLIGENCE TO PROVIDE FREE LEGAL ASSISTANCE

Aleksey P. Anisimov

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Marina V. Alekseeva

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the availability of qualified legal assistance for socially vulnerable groups is one of the key indicators of a legal system's fairness and effectiveness. In Russia, citizens' right to free legal assistance is guaranteed at the legislative level – this social function is provided by state and non-state systems of legal consultation, including state legal bureaus and law clinics at universities. However, the existing format of such assistance does not fully meet the opportunities and challenges of the digital era. Despite the legally enshrined principle of accessibility of free legal aid, in practice, many citizens in need cannot receive it in a timely and complete manner.

Methods: the methodological framework for the research comprised both the general scientific and special methods of scientific cognition. Among the general scientific methods used were dialectical, formal-logical, induction, deduction, analysis, synthesis, and the structural-functional method. A number of special methods were applied: formal-legal, historical-legal, comparative law, and the method of legal modeling. **Results:** the paper examines the theoretical debates about the role and significance of AI for legal science and practice. It considers organizational, legal, technical, and ethical aspects of implementing a 3D assistant in the work of student law clinics and state legal bureaus of the Russian Federation's constituent entities, which provide free legal assistance to certain socially unprotected categories of the population. The advantages and risks of introducing a 3D assistant into legal education and practice are analyzed, and a number of recommendations are provided. **Conclusions:** digital technologies are being actively integrated into legal life, and interactive 3D conversational AI assistant technology is not a futuristic fantasy but a real existing technology. With organizational and financial state support, it is capable of delivering tangible social outcomes, including a significant expansion of the population's access to qualified legal assistance. 3D assistants can be used in education, as well as in public reception offices of deputies, state bureaus, and justice of the peace courts, where there is equipment and connectivity. This is particularly relevant for rural areas and small towns, where there is often a shortage of lawyers.

Key words: 3D assistant, digitalization, artificial intelligence, bureau, student, legal assistance, law clinic, ChatGPT.

Citation. Anisimov A.P., Alekseeva M.V. Using a 3D Conversational Assistant Based on Artificial Intelligence to Provide Free Legal Assistance. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 4, pp. 150-159. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.19>

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ 3D РАЗГОВОРНОГО АССИСТЕНТА НА БАЗЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ ОКАЗАНИЯ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

Алексей Павлович Анисимов

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Марина Владимировна Алексеева

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Введение: доступность квалифицированной юридической помощи для социально уязвимых групп населения – один из ключевых показателей справедливости и эффективности правовой системы. В России на законодательном уровне гарантировано право граждан на бесплатную юридическую помощь – эта социальная функция обеспечивается государственной и негосударственными системами юридических консультаций, включая государственные юридические бюро и юридические клиники при вузах. Однако существующий формат такой помощи не в полной мере отвечает возможностям и вызовам цифровой эпохи. Несмотря на закрепленный законом принцип доступности бесплатной правовой помощи, на практике многие нуждающиеся граждане не могут получить ее своевременно и в полном объеме. **Методы:** методологическую основу исследования составили как общенаучные, так и специальные методы научного познания. Из общенаучных методов были использованы диалектический, формально-логический, метод индукции, дедукции, анализа, синтеза, структурно-функциональный метод. Был применен ряд специальных методов: формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой и метод правового моделирования. **Результаты:** в статье исследованы теоретические дискуссии о роли и значении ИИ для юридической науки и практики. Рассмотрены организационные, правовые, технические и этические аспекты внедрения 3D-ассистента в работу студенческих юридических клиник и государственных юридических бюро субъектов РФ, оказывающих бесплатную юридическую помощь отдельным социально незащищенным категориям населения. Проанализированы преимущества и риски внедрения 3D-ассистента в юридическое образование и практику, высказан ряд рекомендаций. **Выводы:** цифровые технологии активно внедряются в правовую жизнь, и технология интерактивного 3D разговорного ассистента на базе ИИ – это не футуристическая фантазия, а реально существующая технология, при организационной и финансовой поддержке государства способная принести осязаемые социальные результаты, включая значительное расширение охвата населения квалифицированной правовой помощью. 3D-ассистенты могут применяться как в образовании, так и общественных приемных депутатов, государственных бюро, мировых судах, где есть оборудование и связь. Это особенно актуально для сельских территорий и малых городов, где зачастую нет нужного количества юристов.

Ключевые слова: 3D-ассистент, цифровизация, искусственный интеллект, бюро, студент, юридическая помощь, юридическая клиника, ChatGPT.

Цитирование. Анисимов А. П., Алексеева М. В. Использование 3D разговорного ассистента на базе искусственного интеллекта для оказания бесплатной юридической помощи // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 150–159. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.19>

Введение

Доступность квалифицированной юридической помощи для социально уязвимых групп населения – один из ключевых показателей справедливости и эффективности правовой системы. В России на законодательном уровне гарантировано право граждан на бесплатную юридическую помощь (далее –

БЮП) – эта социальная функция обеспечивается государственной и негосударственными системами юридических консультаций, включая государственные юридические бюро и юридические клиники при вузах. Однако современная система БЮП не в полной мере отвечает возможностям и вызовам цифровой эпохи. Несмотря на закрепленные законом принципы всеобщей доступности такой помо-

щи, на практике многие нуждающиеся не получают ее своевременно и в полном объеме. Сказываются ограниченные ресурсы и перегруженность учреждений БЮП, а также временные и организационные ограничения при очном приеме граждан. В результате страдает реализация конституционного права на судебную защиту и равенство перед законом: часть населения по факту остается без квалифицированной юридической помощи, что подрывает принципы социальной справедливости в России.

Между тем бурное мировое развитие технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) открывает новые пути решения указанных проблем. Последние достижения в области ИИ позволяют автоматизировать значительную часть интеллектуальных задач, традиционно выполняемых юристами. По оценкам экспертов, современные ИИ потенциально способны автоматизировать от 23 % до 44 % типичных юридических действий – от поиска правовой информации и анализа правовых норм до подготовки черновиков правовых заключений и процессуальных документов [1]. Это указывает на колоссальный потенциал применения ИИ для расширения доступа к юридической помощи: ИИ может ускорить обслуживание обратившихся граждан, снизить нагрузку на юристов и тем самым охватить большее число нуждающихся. Ряд исследователей и практиков уже высказали предположение о том, что в ближайшем будущем ИИ сможет выполнять многие рутинные задачи юристов, существенно расширяя и облегчая доступ к правосудию для граждан. Одновременно высказываются и опасения, что широкое внедрение ИИ может повлечь вытеснение молодых специалистов и сокращение рабочих мест в юридической отрасли, что требует отдельного рассмотрения [2, р. 385].

Научная правовая доктрина об использовании ИИ

В настоящее время ни отечественная, ни зарубежная правовая наука пока не выработали целостного понимания того, как эффективно и безопасно интегрировать инструменты ИИ в систему оказания бесплатной юридической помощи. Начавшаяся дискуссия

пока носит фрагментарный характер: отсутствует единое мнение о пользе и рисках применения ИИ в ходе юридической деятельности [3]. Высказываются полярные точки зрения – от призывов вообще запретить использование ИИ для оказания правовых услуг до инициатив по повсеместному внедрению специальных обучающих курсов для юристов по работе с ИИ. При этом множество публикаций ограничиваются либо общими рассуждениями о перспективах цифровизации права, либо констатацией проблем (этических, правовых, технологических), не предлагая конкретных путей их решения [4]. В процессе научного анализа процесса внедрения ИИ в право, исследовательский интерес в последние годы стал смещаться от абстрактных рассуждений к анализу конкретных сценариев применения ИИ и их последствий. А.В. Мартынов рассматривает перспективы использования ИИ в государственном управлении – например, для подготовки проектов нормативных актов, автоматической обработки обращений граждан – и приходит к выводу о неизбежности внедрения этих технологий в ближайшем будущем, указывая одновременно на потенциальные риски (ошибки алгоритмов, непрозрачность принятия решений) [5]. В сфере бизнеса, по наблюдениям А.Б. Шумиловой и Н.А. Анциферовой, ИИ уже выступает электронным агентом в сделках – например, алгоритмы проводят первичный отбор заявок, проверку контрагентов, формирование типовых контрактов – однако законодательство о коммерческих сделках не учитывает специфику автономных программ. Авторы настаивают на необходимости модернизации правовых норм о сделках и обязательствах, чтобы учесть участие ИИ, а также распределить ответственность за ошибки алгоритмов между сторонами гражданского оборота [6]. Особенно актуальной в последние годы становится тема этики и прав человека в эпоху ИИ.

Некоторые авторы прямо обозначают новые этико-правовые вызовы: стремительное проникновение ИИ в социальную сферу требует выработки новых морально-правовых ориентиров в сфере защиты прав человека [7]. Среди обсуждаемых проблем – отсутствие четких критериев моральной и юридической ответственности за решения, принимаемые

ИИ; угроза конфиденциальности и частной жизни в связи с массовой обработкой персональных данных; риск алгоритмической дискриминации [8]. Отмечается, что без обновления этических основ и введения гарантий прозрачности и контролируемости ИИ невозможно обеспечить справедливость его использования. На стыке права и этики возникает идея признания новых прав («нейроправ») – прав в сфере нейротехнологий и ИИ, направленных на защиту ментальной автономии человека [9]. Такие идеи пока еще выглядят экзотическими, но указывают на возрастающее понимание: права человека должны развиваться синхронно с технологическим прогрессом, чтобы своевременно регламентировать новые цифровые права и обязанности.

Применительно к теме нашего исследования заметим, что Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» фиксирует положение о том, что такая помощь предоставляется в форме консультирования, однако отсутствует детализация содержания данной правовой категории, ее видовых, типологических характеристик и стадий реализации. Законодатель акцентирует внимание исключительно на форме консультирования: письменной или устной. Отсутствие четкой дефиниции ключевой категории в конструкции бесплатной юридической помощи генерирует значительные риски для граждан, особенно в условиях цифровой трансформации сферы юридического консультирования. На сегодняшний день потенциал ИИ в сфере правового консультирования оценивается как беспрецедентный, поскольку уже существуют программные решения, обладающие функционалом самообучения и автономного расширения. Например, платформа «Цифровой юрист» представляет собой текстовый и голосовой бот, созданный при патронаже и финансовом содействии Министерства юстиции РФ. Другим примером эффективной имплементации чат-ботов является электронный сервис «Правовед.ги», интегрирующий профессиональных юристов с клиентами в онлайн-режиме. На нем предоставляются исключительно первичные консультации, сфокусированные на одной правовой сфере – защите прав потребителей. Однако система обла-

дает способностью к самообучению, что позволяет ей адаптироваться к предоставлению базовых консультаций в других правовых сферах. Законодатель не определил однозначных нормативных предписаний по вопросу ответственности в случаях, если некомпетентная консультация повлекла за собой причинение имущественного или морального ущерба обратившемуся гражданину. Представляется, что дисфункции системы (сбои работы) находятся в сфере ответственности физического или юридического лица-разработчика с солидарной ответственностью организаций или индивидуальных предпринимателей, эксплуатирующих такое программное обеспечение. Вместе с тем, отсутствует четкий механизм определения субъекта ответственности за ущерб, причиненный ИИ в режиме «автономного функционирования», поскольку неясно, какова степень контроля человека над самообучающейся системой, способной к эволюции за пределы изначально заданного алгоритма. Актуальность данной проблематики неуклонно возрастает, что обусловлено развитием общественных отношений в области взаимодействия с ИИ, поскольку потенциальные риски возникновения подобного вреда имеют тенденцию к увеличению. Для решения этой коллизии может быть предложено включение в правовое поле новой категории «субъекта-посредника» при юридическом консультировании, легализация его правового статуса, императивное назначение куратора-юриста для минимизации рисков возникновения негативных правовых последствий ненадлежащего консультирования, а также четкое определение дозволенных границ функционала ИИ (например, регистрация, первичная консультация, аналитика и т. п.). В то же время рассмотрение вопроса о целесообразности наделяния ИИ полным объемом прав и обязанностей представляется преждевременным, учитывая, что полноправное участие роботизированных систем в общественных отношениях не достигло масштабов, требующих подобной регламентации. Функционал электронного посредника направлен на оптимизацию деятельности юриста, а его обучение осуществляется под кураторством ML-инженера, на которого должна возлагаться ответственность за дефекты программы.

3D разговорный ассистент и способы его использования в сфере права

Особый интерес в контексте юридических дискуссий об ИИ вызывает возможность оказания бесплатной юридической помощи посредством использования технологии интерактивного 3D разговорного ассистента (цифрового аватара) на базе ИИ, которая является намного более сложной системой, чем привычный чат-бот. Эта цифровая технология позволяет отображать на экране реалистичного виртуального персонажа, который движется, говорит синхронно движению губ, понимает вопросы на любом языке и генерирует весьма осмысленные ответы.

Подключение этой системы к нейросети (ChatGPT, DeepSeek) делает ее способной проводить полноценные консультации по любым вопросам, включенным в ее базу данных. Фактически 3D-ассистент способен взять на себя значительную часть функций консультанта-человека: выслушать гражданина, задать уточняющий вопрос, предоставить справочную информацию, разъяснить нормы закона и даже подготовить проекты необходимых документов. При этом визуальный антропоморфный облик 3D-ассистента делает взаимодействие с ним комфортным для пользователя, особенно не имеющего навыков работы со сложным программным обеспечением. Для конструирования такого аватара используются современные средства компьютерной графики. Так, технология MetaHuman Creator от Epic Games позволяет создавать реалистичные 3D-модели людей с детализированной внешностью, мимикой и анимацией лица. Разработчики создают внешность цифрового персонажа (например, молодого юриста-консультанта) и его одежду под предполагаемый сценарий. Созданный персонаж импортируется в движок Unreal Engine, где располагается в виртуальной сцене. Unreal Engine служит платформой, управляющей всей интерактивностью. Сердцем данной системы является нейросеть (ChatGPT), и именно она придает 3D-ассистенту «интеллект».

Сенсорный экран облегчает демонстрацию материалов: 3D-ассистент может выводить на экран фрагменты закона, образец жа-

лобы, схему, таблицу – все это визуально отобразится рядом с цифровым аватаром, помогая действиям пользователей. Интерактивный 3D-ассистент представляет собой качественно новый уровень развития юридических систем ИИ. Как уже отмечалось выше, в отличие от чат-бота, 3D-ассистент обладает куда большей гибкостью и обучаемостью современной нейросети, он способен понимать разнообразные формулировки вопросов, находить на них ответы, и постоянно совершенствоваться по мере обучения. Безусловно, эта технология не является идеальной. ИИ не обладает настоящим правовым мышлением, не может проявить творческую интуицию, эмпатию или активно отстаивать интересы клиента. Он дает информацию или совет, но не заменит полноценно юриста в суде. Однако при грамотном применении 3D-ассистент становится мощным вспомогательным инструментом, который в условиях дефицита квалифицированных кадров может восполнить многие пробелы. Особенно перспективно его использование в сфере первичных консультаций и подготовки документов – там, где вопросы клиентов обычно типичны (оформление пособий, жилищные вопросы, трудовые споры и др.), что требует внятного разъяснения гражданам простых юридических шагов. Внедрение 3D разговорного ассистента в сферу бесплатной юридической помощи целесообразно осуществлять поэтапно, сочетая обучение технологии в академической среде с последующим развертыванием в правовой практике. Здесь надо выделить два основных этапа: испытание 3D-ассистента в условиях юридической клиники при вузе и последующая его интеграция в работу государственного юридического бюро.

Юридическая клиника и юридическое бюро: особенности внедрения 3D-ассистента, возможные проблемы и пути их решения

Юридические клиники, действующие при вузах, традиционно выполняют двойную роль: с одной стороны, они позволяют студентам старших курсов получать практические навыки, консультируя граждан под руководством

преподавателей; с другой – сами являются частью системы бесплатной помощи, обслуживая малоимущих и социально незащищенных клиентов [10]. Такие клиники – оптимальная площадка для апробации инноваций, поскольку здесь можно отработать новые инструменты в учебном режиме, без риска причинения серьезного вреда (консультации носят учебно-контролируемый характер, и преподаватель всегда может скорректировать ошибки студента или 3D-ассистента). План мероприятий тут должен включать первоначальную техническую подготовку 3D-ассистента под задачи клиники. 3D-ассистент должен быть настроен на региональную правовую базу и типичные вопросы, которые задают в студенческих юридических клиниках. Это означает загрузку в нейросеть нормативно-правовых актов региона (в нашем случае Ростовской области) наряду с федеральным законодательством, а также обучение 3D-ассистента ответам на наиболее распространенные обращения граждан за бесплатной юридической помощью. По статистике клиник, значительную часть вопросов граждан составляют социальные пособия, пенсионное обеспечение, жилищные и семейные споры, защита прав потребителей и т. п. Для каждой категории разработчики должны будут подготовить кейсы и сценарии: какие уточняющие вопросы 3D-ассистенту нужно задать клиенту, какие нормы будут применимы, какие документы могут потребоваться. Эта информация загружается в базу данных 3D-ассистента. Одновременно разрабатываются регламенты взаимодействия клиента и 3D-ассистента в ходе консультации.

В практическом плане мы видим все это следующим образом. В помещении юридической клиники устанавливается сенсорный экран с 3D-ассистентом.

На начальном этапе будут проводиться моделируемые консультации – то есть в роли клиентов будут выступать преподаватели либо студенты – участники работы клиники, разыгрывающие типовые ситуации. Это делается для постепенной отработки навыков использования 3D-ассистента, прежде чем допустить к нему реальных посетителей. Студенты, предварительно обученные работе с новым цифровым инструментом, будут под ру-

ководством преподавателя принимать таких «клиентов». Консультация будет проходить так: клиент излагает проблему, 3D-ассистент слушает и предлагает решение, студент по ходу дела может уточнять запросы ассистента или задавать от себя дополнительные вопросы клиенту, чтобы 3D-ассистент получил полную информацию. Далее 3D-ассистент формирует ответ – например, объясняет, какие права есть у клиента, что можно сделать и т.д. Студент вместе с преподавателем оценивают этот ответ: если он корректен, клиенту озвучивают и передают его; если нет – исправляют и объясняют 3D-ассистенту, в чем ошибка. Важная функция – ассистент может подготовить черновик документа (иск, заявление, договор) по результатам своей консультации.

Необходимо отработать как простые случаи, где нормативное решение очевидно (например, оформление доверенности), так и сложные вопросы, где требуется творческий подход. Сложные ситуации покажут границы возможностей ИИ – где он уже не справляется или дает поверхностный ответ, требующий значительной доработки человеком. Результатом этого этапа станет оценка эффективности 3D-ассистента в условиях клиники: измеряется точность и полезность консультаций (какую долю ответов пришлось существенно исправлять), степень снижения нагрузки на студентов и преподавателей (например, сократилось ли время подготовки документов), а также выявляются проблемы – случаи, когда 3D-ассистент дал неверный или неполный совет, не понял специфику вопроса, неправильно интерпретировал слова клиента и т. д. Отдельно фиксируется реакция клиентов – как они отнеслись к «необычному виртуальному консультанту», не смутило ли их присутствие аватара, довольны ли они качеством консультации.

По итогам пилотного применения на базе клиники будет проведена «работа над ошибками» и корректировка модели. Параллельно будут созданы методические рекомендации для дальнейшего использования 3D-ассистента на практике.

Вторым этапом должно стать внедрение 3D-ассистента непосредственно в работу государственной системы бесплатной юриди-

ческой помощи, например, государственного юридического бюро – учрежденной в регионах организации, оказывающей бесплатные консультации малоимущим гражданам (перечень категорий получателей помощи установлен в ст. 20 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»). Внедрение 3D-ассистента в такую структуру потребует особого внимания к соблюдению формальных требований закона о БЮП и подзаконных актов Минюста, поскольку речь идет уже не об учебном эксперименте, а о предоставлении гражданам государственных услуг. В отличие от клиники, в бюро формат будет иным по составу участников: если в клинике три роли (студент, ИИ, преподаватель), то в бюро – 3D-ассистент и штатный юрист. В течение пилотного периода (несколько месяцев) должен вестись учет: сколько граждан воспользовались 3D-ассистентом, с какими вопросами, сколько времени заняла консультация, сколько случаев потребовали существенной корректировки со стороны штатного юриста.

Данный эксперимент, помимо практического эффекта, сможет стать полигоном для понимания, какие изменения в нормативной базе необходимы для полноценного использования 3D-ассистента. Если эксперимент окажется успешным (например, вырастет число консультируемых граждан с положительными отзывами), следующим шагом может стать законопроект о путях и способах применения цифровых технологий (путем дополнения Федерального закона № 324-ФЗ отдельной статьей об использовании электронных средств консультирования и внесения изменений в типовые положения о студенческих юридических клиниках). Завершение второго этапа позволит сформировать окончательные выводы о целесообразности и формате применения 3D-ассистента в системе БЮП. Если цели достигнуты (например, значительно увеличилось число граждан, которым оказана помощь, без ущерба качеству), можно будет рекомендовать масштабирование – распространение опыта в других регионах, оснащение нескольких бюро такими ассистентами, проведение обучающих семинаров для сотрудников и т. д.

Этико-правовые аспекты использования ИИ в образовании и практике

Наряду с техническими, правовыми и организационными вопросами внедрения ИИ в юридическое образование и правовую практику, отдельного обсуждения требуют этические проблемы [11]. Первый вопрос: можно ли доверять ИИ так же, как человеку-юристу, и как минимизировать вред от возможного ошибочного совета ИИ? Поскольку прототип 3D-ассистента уже существует и постепенно тестируется нами, мы можем утверждать, что ИИ иногда искажает или выдумывает факты, нормы права и судебные решения. Такие побочные эффекты не носят массового характера (в подавляющем числе случаев ИИ все же объективен), однако в правовой сфере это недопустимо. Поэтому этические правила применения 3D-ассистента должны включать правило: ассистент не должен придумывать ответы, если не уверен. Если у него возникают сомнения в точности совета, в настройки системы должен быть включен следующий ответ: «Для решения вашего вопроса требуется дополнительная проверка, обратитесь к юристу». Таким образом, 3D-ассистент должен быть настроен консервативно и соблюдать осторожность. Разработчикам необходимо регламентировать степень уверенности ИИ и отработать принцип прозрачности: по возможности, 3D-ассистент должен обосновывать свои советы – например, называть конкретные статьи закона, на которых основано решение. Это позволит человеку-контролеру и самому клиенту видеть, откуда взялась рекомендация, и легче проверить ее корректность. Этический стандарт требует, чтобы в случае ошибки ИИ была процедура ее исправления: выше уже отмечалось, что все ответы аватара проходят через человека, но важно, чтобы и сам 3D-ассистент учился на своих ошибках. Тут возникает второй этический вопрос: не выйдет ли так, что клиенты фактически станут объектом эксперимента, где ИИ учится на их обращениях? Чтобы смягчить эту этическую коллизию, внедрение 3D-ассистента должно быть добровольным: граждан информируют, что используется новый инструмент, проводится его апробация, с получе-

нием их согласия. Ничто не мешает гражданину отказаться от участия в таком эксперименте и попросить обычную консультацию – такая просьба должна быть удовлетворена. Важность обсуждения этого вопроса состоит в том, что клиент, безусловно, видит на экране не человека, а цифрового аватара, однако, возможно, не все клиенты сразу поймут, что на экране именно цифровой аватар, а не трансляция удаленного юриста (ассистент внешне очень похож на человека). Поэтому нужно прямо уведомлять гражданина: «Вы будете беседовать с 3D-ассистентом, подключенным к технологии искусственного интеллекта, но его ответы проверяются нашим сотрудником». Это важный момент, связанный с доверием: если человек будет считать, что разговаривал с реальным юристом, а потом узнает, что это был цифровой аватар, то он может почувствовать себя обманутым.

Третий вопрос состоит в том, насколько этически приемлемо в принципе экспериментировать в социальной сфере. Мы полагаем, что это возможно, но только с согласия и на благо участников такого эксперимента (для более быстрой и доступной помощи) с обязательной минимизацией их рисков (наличие специалиста, контролирующего каждую рекомендацию). Отдельно стоит затронуть этическую проблему возможной предвзятости или некорректности советов со стороны ИИ, поскольку аватар обучается на текстах из интернета, где могут встречаться устаревшие или дискриминационные суждения. Важно исключить возможность совета 3D-ассистента клиенту «не идти в суд, все равно ничего не добьетесь» на основе циничных взглядов, почерпнутых в интернете. Этический протокол должен предусматривать: если 3D-ассистент дал некорректный с профессиональной или моральной точки зрения ответ, куратор разъясняет ошибку и фиксирует ее для разработчиков, а клиенту приносится извинение за некорректность. В идеале, 3D-ассистент сам извиняется за неправомерный совет, если его поправил человек – это добавит доверия и покажет, что контроль работает.

Четвертый этический вопрос состоит в том, что успех внедрения ИИ в правовую практику может привести к искушению заменить им часть живых юристов ради экономии

средств. Это породит проблему сложного выбора для государства: сохранение рабочих мест или их оптимизация. Мы полагаем, что сфера бесплатной помощи не страдает переизбытком кадров, поэтому внедрение нашей технологии закроет ряд пробелов, но не вызовет массовых увольнений в юридических бюро (или коллегиях адвокатов). Однако необходимо мониторить эффект, и если где-то начнутся сокращения юристов (в связи с надеждой работодателя, что ИИ их заменит), то это должно быть предметом серьезного обсуждения в профессиональном юридическом сообществе. Но мы считаем это маловероятным в ближайшем будущем. В тоже время, можно ожидать повышения требований к юридической профессии: общаясь с ИИ, юристы будут повышать квалификацию, и вырабатывать стандарты надлежащего использования цифровых технологий.

Заключение

Цифровые технологии уже активно внедряются в правовую жизнь – в деятельность Сбербанка, работу помощников судей и адвокатов, готовящих с его помощью проекты документов и иными способами. Разработанная нами новая цифровая технология интерактивного 3D разговорного ассистента (цифрового аватара) на базе ИИ – это не футуристическая фантазия, а вполне реально существующая технология, которая находится в стадии тестирования, и в случае организационной и финансовой поддержки она вполне способна принести осязаемые социальные результаты. Главная ожидаемая перспектива – значительное расширение охвата населения бесплатной квалифицированной юридической помощью. Цифровые аватары могут действовать не только в клинике или бюро, но и в МФЦ, общественных приемных, приемных мировых судов – везде, где есть оборудование и связь. Это особенно актуально для сельских территорий и малых городов, где часто нет нужного количества юристов. Весьма важно, что за счет автоматизации рутинных операций (выяснения стандартных фактов, подготовки типовых документов) сократится время ожидания – граждане смогут быстрее получить ответ на простой вопрос, без ожидания в очереди к единствен-

ному юристу. В результате можно ожидать рост количества граждан, получивших помощь, сокращение сроков рассмотрения обращений, улучшение качества консультаций (более полные ответы, наличие письменных разъяснений и др.). Все это означает повышение эффективности реализации конституционного права на юридическую помощь, а также на доступ к правосудию. Юристам будущего нужно будет овладеть навыками работы с такими системами, поэтому весьма перспективным является включение соответствующих курсов в программы подготовки юристов на бакалавриате и в магистратуре, создание в последней специализации «Цифровой юрист», расширение курсов дополнительной переподготовки юристов. Ведущие мировые университеты уже вводят правила и обучающие модули по использованию ИИ, формируя культуру его ответственного применения. Положительный опыт внедрения технологий ИИ потребует и изменения законодательства.

Наряду с преимуществами, внедрение 3D разговорных ассистентов сопряжено с рисками для персональных данных. Такие системы работают с большими объёмами личной информации, поэтому защита этих данных должна быть приоритетом при внедрении любых технологий ИИ. Необходимы современные методы шифрования, регулярное обновление систем безопасности, а также четкие регламенты и назначение ответственных за обработку персональных данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lewis, C.D. Strategic Approaches to Incorporating AI into Legal Higher Education / C.D. Lewis // Kuwait International Law School Journal, 2021, <https://ssrn.com/abstract=4818383>
2. Choi, J. H. AI Assistance in Legal Analysis: An Empirical Study / J. H. Choi, D. Schwarcz // Journal of Legal Education. – 2023. – Vol. 73, № 2. – P. 384–420.
3. Киселев, А. С. Возможности правового нивелирования политических и организационно-управленческих рисков применения искусственного интеллекта / А. С. Киселев // RUDN Journal of Law. – 2025. – Т. 29, № 2. – С. 524–543.
4. Латыпова, А. Ф. Искусственный интеллект и международное право / А. Ф. Латыпова // Международный правовой курьер. – 2023. – № 7. – С. 63–67.

5. Мартынов, А. В. Подготовка административных актов с использованием искусственного интеллекта: проблемы, перспективы, недалекое будущее / А. В. Мартынов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2024. – № 5. – С. 130–142.

6. Шумилина, А. Б. Интеграция искусственного интеллекта и цифровых техно логий в коммерческие правоотношения в Российской Федерации: актуальное состояние и перспективы развития / А. Б. Шумилина, Н. А. Анциферова // Правовой порядок и правовые ценности. – 2025. – № 3. – С. 62–68.

7. Маслова, Е. А. Диалектика этики и права в регулировании технологии искусственного интеллекта: опыт ЕС / Е. А. Маслова, Е. Д. Сорокова // Современная Европа. – 2022. – № 5. – С. 19–33.

8. Guerrero, A. F. Neuroderechos en Colombia: autodeterminación informativa, integridad e identidad mental ante las neurotecnologías / A. F. Guerrero // Prolegymenos. – 2025. – № 28 (55). – P. 13–22.

9. Gomez Ticona, A. Y. Neuroderechos, una exigencia de justicia en la era de neuralink: un análisis desde la bioética personalista de Elio Sgreccia / A. Y. Gomez Ticona // Prudentia Iuris. – 2025. – № 99. – P. 87–126.

10. Кушарова, М. П. Организационно-правовые вопросы деятельности студенческой юридической клиники / М. П. Кушарова // Вестник Омской юридической академии. – 2018. – Т. 15, № 1. – С. 70–74.

11. Гаврилова, Ю. А. Правовые проблемы развития цифровых технологий в Российской Федерации / Ю. А. Гаврилова, Д. А. Гаврилов, Н. А. Калашникова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 105–112. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.15>

REFERENCES

1. Lewis C.D. *Strategic Approaches to Incorporating AI into Legal Higher Education*. – URL: <https://ssrn.com/abstract=4818383>
2. Choi J.H., Schwarcz D. *AI Assistance in Legal Analysis: An Empirical Study* [Journal of Legal Education], 2023, no. 73-2, pp. 384-420.
3. Kiselev A.S. *Vozmozhnosti pravovogo nivelirovaniya politicheskix i organizacionno-upravlencheskikh riskov primeneniya iskusstvennogo intellekta* [The Possibilities of Legal Leveling of Political, Organizational and Managerial Risks of Using Artificial Intelligence] *RUDN Journal of Law* [RUDN Journal of Law], 2025, no. 29-2, pp. 524-543.
4. Latypova A.F. *Iskusstvenny'j intellekt i mezhdunarodnoe parvo* [Artificial intelligence and

international law] *Mezhdunarodny'j pravovoj kur'er* [International Legal Courier], 2023, no. 7, pp. 63-67.

5. Martynov A.V. Podgotovka administrativnykh aktov s ispolzovaniem iskusstvennogo intellekta: problemy, perspektivy, nedalekoe budushhee [Preparation of Administrative Acts Using Artificial Intelligence: Problems, Prospects, the Near Future], *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University], 2024, no. 5, pp. 130-142.

6. Shumilina A.B., Antsiferova N.A. Integratsiya iskusstvennogo intellekta i cifrovyykh tekhnologiy v kommercheskie pravootnosheniya v Rossijskoj Federacii: aktual'noe sostoyanie i perspektivy razvitiya [Integration of Artificial Intelligence and Digital Technologies into Commercial Legal Relations in the Russian Federation: Current State and Development prospects]. *Pravovoj porjadok i pravovy'e cennosti* [Legal Order and Legal Values], 2025, no. 3, pp. 62-68.

7. Maslova E.A., Sorokova E.D. Dialektika e'tiki i prava v regulirovanii tekhnologii iskusstvennogo intellekta: opyt ES [The Dialectic of Ethics and Law in the Regulation of Artificial Intelligence Technology:

The EU Experience] *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe], 2022, no.5, pp. 19-33.

8. Guerrero A.F. Neuroderechos en Colombia: autodeterminación informativa, integridad e identidad mental ante las neurotecnologías. *Prolegymenos*, 2025, no. 28 (55), pp. 13-22.

9. Gomez Ticona A.Y. Neuroderechos, una exigencia de justicia en la era de neuralink: un análisis desde la bioética personalista de Elio Sgreccia. *Prudentia Iuris*, 2025, no. 99, pp. 87-126.

10. Kusharova M.P. Organizacionno-pravovy'e voprosy deyat'nosti studencheskoj yuridicheskoy kliniki [Organizational and legal issues of the student law clinic]. *Vestnik Omskoj yuridicheskoy akademii* [Bulletin of the Omsk Law Academy], 2018, no. 15-1, pp. 70-74.

11. Gavrilova Yu.A., Gavrilov D.A., Kalashnikova N.A. Pravovy'e problemy razvitiya cifrovyykh tekhnologiy v Rossijskoj Federacii [Legal Problems of Digital Technology Development in the Russian Federation]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, no. 21-4, pp. 105-112. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.15>

Information About the Authors

Aleksey P. Anisimov, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Department “Criminal Law and Public Law Disciplines”, Don State Technical University, Gagarina St, 1, 344000 Rostov-on-Don, Russian Federation, anisimovap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3988-2066>

Marina V. Alekseeva, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Head of the Department “Theory and History of State and Law”, Don State Technical University, Gagarina St, 1, 344000 Rostov-on-Don, Russian Federation, Alekseeva80@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1436-6946>

Информация об авторах

Алексей Павлович Анисимов, доктор юридических наук, профессор кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины», Донской государственный технический университет, ул. Гагарина, 1, 344000 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, anisimovap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3988-2066>

Марина Владимировна Алексеева, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Теория и история государства и права», Донской государственный технический университет, ул. Гагарина, 1, 344000 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, Alekseeva80@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1436-6946>